

Научная статья

УДК 331.526

doi:10.37614/2220-802X.4.2023.82.014

ЗАНЯТОСТЬ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Марина Алексеевна Терентьева

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия, iesp@mail.ru, ORCID 0000-0001-6204-7363

Аннотация. Статья посвящена исследованию занятости в неформальном секторе в северных регионах России, также рассмотрены факторы, способствующие ее сокращению или развитию. Цель исследования — анализ аспектов занятости в неформальном секторе экономики, определение ее роли в создании новых рабочих мест. Основой послужили данные международных организаций и российских исследований, а также статистические материалы. Показано, что неформальный сектор играет важную роль в экономике страны. С помощью производственного подхода проанализирована структура неформальной занятости в северных регионах России. Определены три группы влияющих на нее факторов. Для данных групп были отобраны показатели, которые легли в основу анализа динамики занятости в неформальном секторе. На основе официальных данных Росстата за 2005–2022 гг. с учетом сопоставимости методики их сбора и обработки оценен уровень неформальной занятости для северных регионов РФ и определено влияние выбранных экономических факторов на ее уровень. Выявлено, что, несмотря на высокий ВРП на душу населения, установленные институты не способствуют закреплению населения в северных регионах. В работе также рассмотрены различия в масштабах распространения занятости населения в неформальном секторе экономики. Необходимо проводить мероприятия по стимулированию формализации и повышению качества жизни населения, чтобы обеспечить лучшие условия для жизнедеятельности в северных регионах, а также поддерживать их экономическое развитие. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования региональной политики в сфере занятости и социального обеспечения населения. **Ключевые слова:** неформальный сектор, занятость населения, регион, специфика Севера, производственный подход

Благодарности: исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Для цитирования: Терентьева М. А. Занятость в неформальном секторе экономики в северных регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 4. С. 206–216. doi:10.37614/2220-802X.4.2023.82.014.

Original article

EMPLOYMENT IN THE INFORMAL SECTOR OF THE ECONOMY: A CASE STUDY OF RUSSIAN NORTHERN REGIONS

Marina A. Terentyeva

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Russia, iesp@mail.ru, ORCID 0000-0001-6204-7363

Abstract. This article explores employment in the informal sector across Russian northern regions and studies factors that affect the employment rate in this sector. The research aims to examine various facets of this subject, encompassing the role of informal employment in job creation. Drawing on data from international organizations, domestic research, and statistics, the study reveals the significant role played by the informal sector in the country's economy. Utilizing a production approach, the article analyzes the structure of informal employment in the northern regions of Russia and identifies three groups of factors influencing employment rates. For these three groups, indicators were chosen that formed the basis for the analysis of employment trends in the informal sector. Using official statistics for 2005–2022 while considering the comparability of data collection and processing methods, the study assesses the level of informal employment in northern regions and studies how it is influenced by the economic factors under question. Despite a high Gross Regional Product (GRP) per capita, the study reveals that existing institutions do not contribute to the population settling in the North. The article highlights variations in informal employment rates. It underscores the importance of stimulating sector formalization, improving the quality of life in the North, and supporting economic growth. The study's results can inform regional policies addressing employment and social services.

Keywords: informal sector, employment, region, Northern context, production approach

Acknowledgments: this study was conducted as part of the research project titled “Human Resources of the Northern Regions of Russia: An Opportunity for Growth or a Limit to Economic Growth” (Project No. 122012700169-9 funded by the government).

For citation: Terentyeva M. A. Employment in the informal sector of the economy: A case study of Russian northern regions. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 4, pp. 206–216. doi:10.37614/2220-802X.4.2023.82.014.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Введение

Феномен неформальности изучается во многих направлениях социально-экономических исследований: в статистике (изучаются индивиды, домохозяйства и фирмы) [1], социологии, экономике труда, демографии (в этих направлениях исследуются причины развития неформальности, принципы сегментирования, внутренняя структура) [2] и т. д. Результаты столь многогранных исследований [3] указывают на сложность и неоднозначность данного феномена. Однако масштабы и возросшая роль неформальности в современных социально-экономических условиях хозяйствования заставляют задаться вопросом о теоретических, понятийных и терминологических рамках объекта изучения, что позволило бы глубже его понять.

Экономисты изучают занятость в неформальном секторе с 1970-х гг., но до сих пор не стихают споры о его точном определении, также ведутся дискуссии о роли и масштабах неформального сектора, причинах его появления, закономерностях развития, политике, которой стоит придерживаться в его отношении.

Международная организация труда дает два варианта при объяснении изменения процессов, происходящих в неформальной занятости. Во-первых, неформальная занятость связана с неформальной экономикой, которая является для безработных временным местом пребывания. При экономическом росте неформальная занятость исчезает, так как активно создаются дополнительные рабочие места. Во-вторых, неформальную занятость связывают с несовершенством институтов (правил игры), и в этом случае экономический рост провоцирует увеличение неформальной занятости¹.

На динамику занятости в неформальном секторе влияют разнообразные факторы, и в отечественной научной литературе они активно изучаются [4]. Среди зарубежных исследований можно отметить работы авторов, которые предприняли попытку оценить численность неформально занятых с помощью социально-экономических параметров [5], через оборот наличных денег [6] и др. Целью данной статьи является изучение занятости в неформальном секторе экономики, определение ее роли в создании новых рабочих мест. Решение поставленных задач состоит в установлении масштабов неформального сектора и измерении количества занятых в нем на примере северных регионов страны. Новизна исследования заключается в уточнении научных знаний о росте масштабов занятости в неформальном секторе в трансформационных условиях.

Экономика северных регионов имеет сырьевую специализацию. Эти территории проигрывают в развитии малого предпринимательства, так как в таких условиях снижаются стимулы к предпринимательству. Но поскольку занятость в неформальном секторе является потенциалом для развития малого предпринимательства, то анализ занятости в неформальном секторе северных регионов позволит оценить в том числе и потенциал его развития, поскольку исследователи [7] отмечают ограниченность предложения на северном рынке труда, и это обуславливает актуальность работы.

Теория

В документах Международной организации труда под занятостью в неформальном секторе понимается занятость на малых предприятиях или незарегистрированных предприятиях, а также недекларируемая занятость на зарегистрированных предприятиях. В странах Восточной Европы и Центральной Азии она представляет собой внушительную часть экономики². Хозяйственная деятельность в неформальном секторе в этих странах дает возможность бедному населению удовлетворить основные потребности, а квалифицированным самозанятым — обеспечить более высокий уровень оплаты труда, являясь для них единственной альтернативой на рынке труда [8].

Доля неформального сектора в странах Восточной Европы и Центральной Азии в структуре валовой добавленной стоимости достигает 14,0 %³. Товары и услуги, производимые в неформальном секторе, востребованы не только бедными слоями населения, ими пользуются и более обеспеченные домохозяйства. Таким образом, занятость в неформальном секторе способствует снижению уровня бедности в таких обществах. Оценки масштабов неформальной занятости показывают, что в некоторых странах она достигает 30,0–40,0 % [6; 9].

Проблема неформальной занятости привлекает к себе все большее внимание в силу ее значительных масштабов и высоких темпов развития во всем мире [1; 2]. Россия не исключение, здесь эта проблема в последнее десятилетие становится объектом активного обсуждения на всех уровнях государственной власти [10–12]. Оценка занятости в неформальном секторе показывает, что здесь концентрируется около 19,0 % занятого населения [13; 14], а расчеты по методикам западных стран дают цифру ниже (в пределах 10,0 %), что соответствует уровню этих стран.

¹ International Labour Office (ILO); Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing (WIEGO). Women and men in the informal economy. A statistical picture. ILO. Geneva, 2012. P. 219.

² Measuring informality: a statistical manual on the informal sector and informal employment. *International Labour Office*. Geneva, 2013. P. 324.

³ Официальный сайт Международной организации труда. URL: https://www.ilo.org/moscow/projects/WCMS_826840/lang-ru/index.htm.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Материалы и методы

Занятость в неформальном секторе проанализирована и оценена по природно-климатическому признаку: выделены северные регионы, обладающие спецификой, отражающейся на оценках социально-экономического развития. К ним относятся республики Карелия, Коми, Тыва и Саха (Якутия), Архангельская, Мурманская, Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также Камчатский край (далее северные регионы) [15].

Информационную базу составляют данные Росстата, представленные за 2001–2022 гг.; законодательные и нормативные акты; информация периодической печати, научных публикаций, конференций, системы Интернет и другие научные

исследования. Используются методы динамического и статического анализ.

В работе изучены социально-экономические показатели в сравнении между северными регионами РФ, а также агрегированные и среднероссийские показатели. Источники анализируемых данных — региональная статистика Росстата, оценки представителей экспертного сообщества в отношении проблем и перспектив развития предпринимательской деятельности, материалы переписей населения 2010 и 2020 (проведена фактически в 2021 г.) гг.

Результаты

Валовой региональный продукт северных регионов выше среднероссийского, то есть северные регионы выигрывают конкуренцию по данному показателю (табл. 1).

Таблица 1

ВРП на душу населения в северных регионах России

Наименование	Значение по годам, руб.				2009/2020
	2009	2012	2015	2020	
Российская Федерация	224163,3	348641,5	449097,9	640519,0	2,9
Северные регионы	507988,8	772187,3	1047812,7	1580816,9	3,1

Примечание. Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Одно из объяснений этого в том, что в северных регионах при более высоких заболеваемости и стоимости проживания строились так называемые экстрактивные институты, то есть создавались в основном системы, основанные на получении ренты, поэтому объем ВРП здесь выше по причине наличия большого количества природных богатств в виде дорогостоящих углеводородов, которые востребованы на мировом рынке. Однако неблагоприятность для проживания климатических условий обусловила отток населения. Если до 1990-х гг. население северных регионов росло, то после распада СССР миграционный отток усугубился [16] и за 1991–2020 гг. северные регионы потеряли порядка 6,0 % населения.

Исследователи [17], изучая занятость в неформальном секторе, говорят о влиянии неформальности на социальную структуру общества, дифференцируя положение, социальное поведение и субъективные представления индивидов. Неформальный сектор рассматривается как внутренне неоднородный, где «высококачественный сегмент» представлен самозанятыми (предпринимателями), которые осознанно и добровольно стремятся войти в такой тип занятости, так как он сопряжен с получением

вполне определенных выгод, в первую очередь с возможностью самостоятельно регулировать рабочий режим. Поэтому неформальную занятость называют «жизненной энергией» предпринимательской деятельности. Экономисты, в свою очередь, выделяют три условия [18]: экономическая самостоятельность (показатель доли работающих в малом бизнесе), экономические ресурсы (доля населения старше трудоспособного возраста) и уровень образования, которые в значительной степени определяют поведение населения одновременно с точки зрения социальной самостоятельности и институционального устройства региональных рынков труда. Ниже мы проанализировали данные условия.

1. Доля работающих в малом бизнесе характеризует уровень самостоятельности населения. Почему это так важно? Так как люди, работающие в малом бизнесе, — это те, кто каждый день принимает экономические решения самостоятельно. Сколько их от всей численности населения? Так, в среднем по России в малом бизнесе работает 19–22 % работников, в северных регионах эта цифра в два раза ниже и составляет порядка 10–11 % (табл. 2)

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Таблица 2

Доля населения, работающего на малых предприятиях, в северных регионах России, %

Год	2011	2012	2013	2014	2016	2017	2018	2019	2021
Доля от всей численности занятых	11,9	11,3	11,2	10,8	10,0	10,8	10,3	11,3	10,6

Примечание. Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Доля работающих в малом предпринимательстве в северных регионах характеризуется тенденцией к снижению за последние десять лет. Уровень самостоятельности в работе большей части жителей северных регионов трудно назвать высоким, особенно в кризисные годы, когда растет занятость в теневой экономике (предприниматели таким образом снижают

свои издержки). В северных регионах за последние пять лет наблюдается сокращение числа предприятий, прекративших хозяйственную деятельность (рис. 1).

Высокое падение было до 2018 г., в 2019 г. темпы снижения составили уже 6,1 %, в ковидный 2020 год отмечен небольшой рост до 9,6 %, но уже в 2021 г. снижение составило 7,6 % (табл. 3).

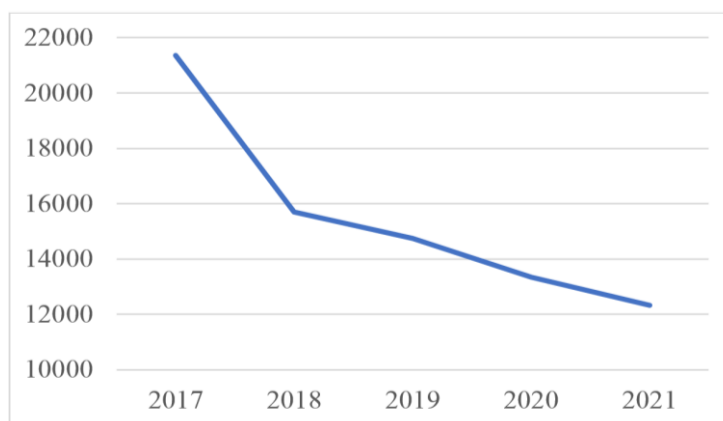

Рис. 1. Динамика прекративших деятельность коммерческих предприятий в северных регионах России, ед.

Источник: разработано автором по данным Росстата

Таблица 3

Количество прекративших хозяйственную деятельность коммерческих предприятий в северных регионах России за 2017–2021 гг., ед.

Регион	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Карелия	2322	3027	1473	1375	1681
Республика Коми	1990	1647	1852	1551	1615
Ненецкий автономный округ	37	48	57	45	49
Архангельская область	1824	1587	1586	1481	1567
Мурманская область	1289	1333	2506	1024	915
Ханты Мансийский автономный округ — Югра	7671	2489	2519	2284	2183
Ямало-Ненецкий автономный округ	1266	1254	944	800	664
Республика Тыва	121	160	169	169	154
Республика Саха (Якутия)	2138	1988	1422	2274	1406
Камчатский край	902	466	721	856	673
Магаданская область	328	459	256	290	392
Сахалинская область	1432	1221	1209	1163	977
Чукотский автономный округ	36	30	38	24	46

Примечание. Источник: составлено автором по данным Росстата.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Наибольшее количество закрытых предприятий было в 2018 г. в Ханты-Мансийском автономном округе благодаря эффекту «высокой базы», далее ситуация стабилизировалась. В целом за анализируемые пять лет среди северных регионов Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа имеют наибольшее снижение числа предприятий, прекративших свою хозяйственную деятельность, в остальных северных регионах в среднем снижение составило 26,0 %, кроме Ненецкого и Чукотского автономных округов, Республики Тыва, Магаданской области — в этих регионах продолжает расти число указанных предприятий.

2. Доля населения старше трудоспособного возраста. Риск попадания в неформальную занятость велик среди лиц старше трудоспособного возраста, характеристики человеческого капитала и здоровья которых могут уже не соответствовать критериям формальных рабочих мест, поэтому они вынуждены искать работу в неформальном секторе экономики. Для северных регионов России изучение особенностей неформальной занятости работников старших возрастов имеет особую актуальность, так как неформальные трудовые отношения стали активно развиваться в период перехода к рыночной системе. Особенности демографических процессов в северных регионах обусловили высокую долю трудоспособного населения. Так, по РФ доля трудоспособных составила в среднем за 2005–2020 гг. 58,5 %, в северных регионах она составила 61,5 %. Максимальные значения наблюдаются в регионах с наиболее тяжелыми условиями труда: Чукотском

автономном округе (65,0 %), Магаданской области (63,2%), Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах (64,3 и 66,7 % соответственно).

Доля населения старше трудоспособного возраста в северных регионах в среднем за 2005–2020 гг. составила 17,6 %, то есть в северных регионах примерно каждый пятый житель является пенсионером. Стоит отметить влияние миграционного фактора: люди часто, выйдя на пенсию, переезжают в более благоприятные для жизни регионы, в результате доля трудоспособных в северных регионах выше по сравнению со средними показателями по РФ.

3. Уровень образования населения. Данный показатель во многом определяет выбор индивида неформальной занятости, поскольку она может компенсироваться независимостью, гибкостью занятости, а в случае с самозанятыми (предпринимателями) и более высоким вознаграждением за труд. Исследования по РФ [19] подтверждают, что до 70,0 % лиц, имеющих высшее профессиональное образование, в той или иной степени вовлечены в сферу неформальной трудовой деятельности. Так, по данным переписи населения 2021 г., 27,8 % северного населения в возрасте старше 15 лет имеет высшее профессиональное образование, что почти в два раза меньше, чем в Москве (40,7 %) и Санкт-Петербурге (40,0 %). То есть почти одна треть взрослого населения имеет высшее профессиональное образование. Данные переписей населения показывают, что уровень образования населения в северных регионах страны продолжает расти (табл. 4).

Таблица 4

Уровень профессионального образования населения старше 15 лет в северных регионах России (на 1000 человек)

	2010				2020			
	Высшее	Неполное	Среднее	Начальное	Высшее	Неполное	Среднее	Начальное
Россия	234	46	312	56	267	24	258	137
Северные регионы	214	40	335	64	279	20	259	147

Примечание. Источник: составлено автором, источник — переписи 2010 и 2020 гг.

Если сравнивать динамику образовательной структуры в северных регионах со среднероссийскими показателями, то тенденции имеют сходный характер. Так, в 2020 г. число лиц с высшим образованием составило 279 на 1000 человек в возрасте 15 лет и старше, в 2010 г. эта цифра была ниже — 214. То есть за 10 лет спрос на высшее профессиональное образование в северных регионах вырос. Число же людей со средним профессиональным образованием упало с 335 до 259 на 1000 человек. А вот численность населения с начальным профессиональным

образованием выросла с 49 до 100 на 1000 человек, то есть наблюдается значительный рост (рис. 2).

Трансформационные процессы в регионах способствовали изменениям на рынке труда, конкуренция на котором потребовала от работников повышения своей конкурентоспособности через получение образования, что в результате обусловило рост лиц с высшим профессиональным образованием, а уровень социализации населения с высшим профессиональным образованием имеет более «качественный» характер.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

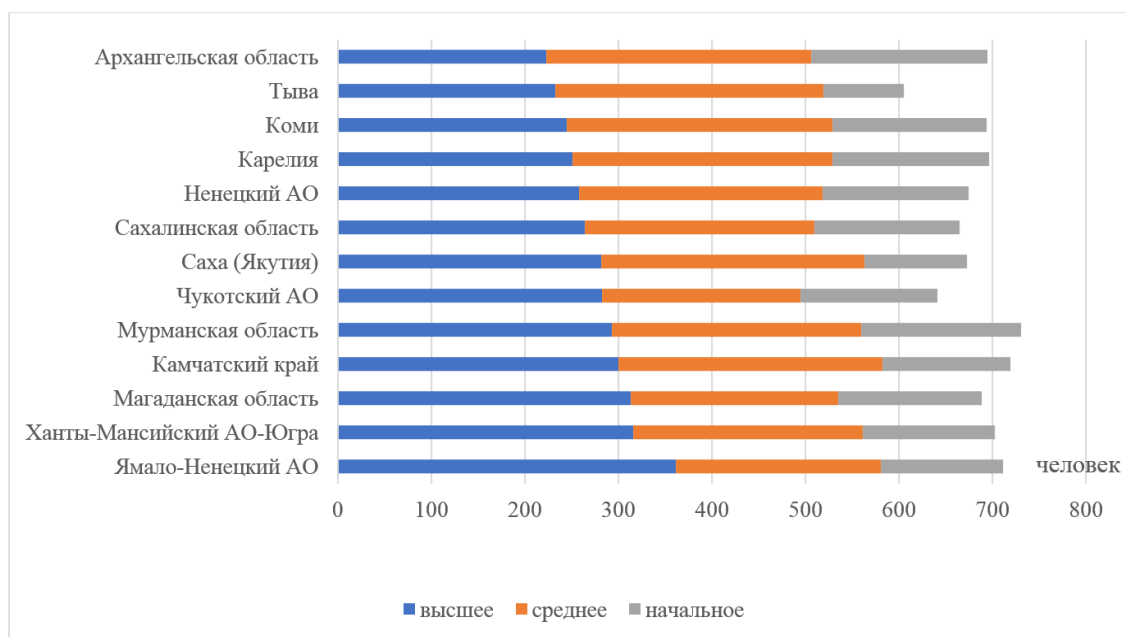

Рис. 2. Структура населения северных регионов России старше 15 лет по уровню профессионального образования (на 1000 человек), по данным переписи 2020 г. Источник: составлено автором по данным Росстата

Таким образом, три условия — экономическая самостоятельность, экономические ресурсы и уровень образования — в значительной степени определяют поведение северных людей одновременно с точки зрения социальной самостоятельности, способности к риску и т. д., то есть тех качеств, от которых зависит выбор типа занятости (в формальном или неформальном секторах).

Масштабы неформальной занятости в РФ сильно различаются между регионами страны [20].

Если посмотреть на уровень занятости в неформальном секторе по отдельным северным регионам, то ситуация такая: снижение уровня занятости в неформальном секторе за последние 12 лет наблюдалось только в двух регионах — Мурманской области (снижение было на 0,7 п. п. в 2022 г. по сравнению с 2010 г.) и Чукотском автономном округе (снижение на 2,7 п. п.). В остальных северных регионах наблюдался рост занятости в неформальном секторе (табл. 5).

Таблица 5

Динамика занятого в неформальном секторе населения в северных регионах России за 2001–2021 гг., % к общему числу занятых

Регион	2010	2015	2020	2022
Республика Карелия	10,3	16,1	16,3	15,6
Республика Коми	10,8	15,3	13,3	12,6
Ненецкий автономный округ	6,5	4,9	5,7	7,1
Архангельская область	11,3	22,6	19,1	18,7
Мурманская область	7,5	8,9	7,0	6,8
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	6,1	8,1	6,0	7,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	4,1	6,0	4,2	9,4
Республика Тыва	23,4	28,1	23,7	28,4
Республика Саха (Якутия)	13,9	13,8	17,3	20,7
Камчатский край	9,0	15,3	16,3	12,5
Магаданская область	4,9	16,0	18,2	19,3
Сахалинская область	11,3	14,7	1,9	21,5
Чукотский автономный округ	4,2	4,2	4,0	1,5

Примечание. Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Стоит отметить, что трансформационные процессы в северных регионах при ограниченных возможностях диверсификации производства на уровне предприятий, отраслей и высоком уровне моноспециализации негативно влияют на рынок труда. Уровень безработицы здесь выше российских показателей (рис. 3).

При этом уровень безработицы за последние 20 лет падал как в северных регионах, так и в других

регионах России. На северном рынке труда большинство рабочих мест аффилировано так или иначе с добывающим или перерабатывающим секторами экономики и распространена моноспециализация. Поэтому свертывание производства приводит к росту как общей, так и локальной безработицы, такая ситуация во многом объясняет превышение среднероссийского уровня безработицы.

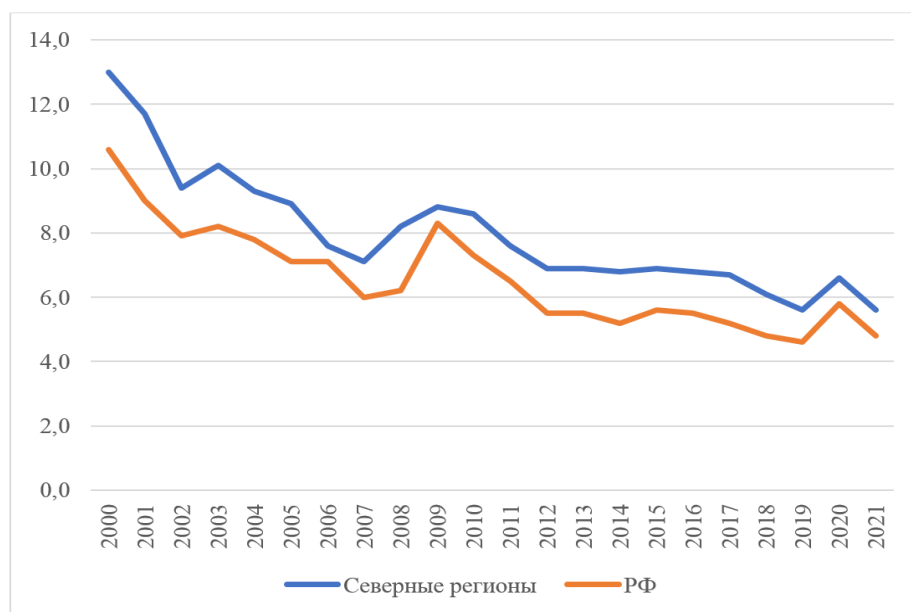

Рис. 3. Динамика безработицы за 2001–2021 гг., %. Источник: разработано автором по данным Росстата

Обсуждение

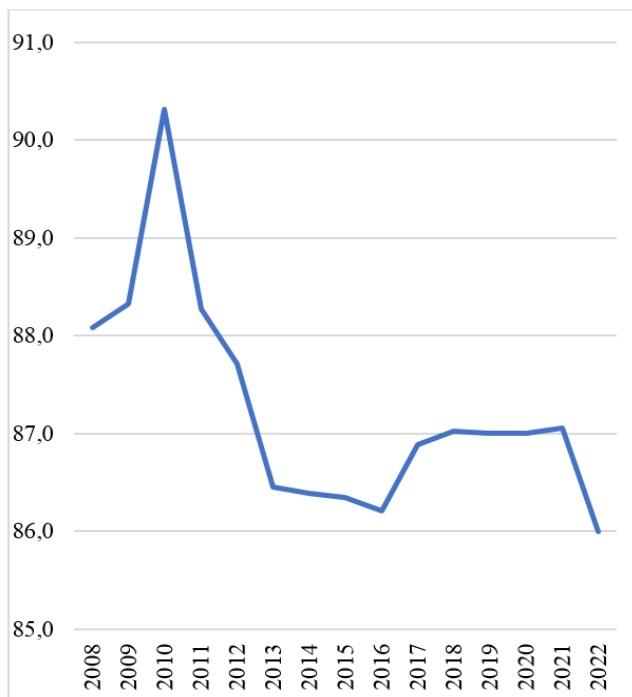
Но можно ли назвать неформальный сектор в северных регионах России «колыбелью» предпринимательства? Российские исследования [21; 22] показывают, что неформальный сектор в РФ — это работники по найму либо у физических лиц, либо у индивидуальных предпринимателей. В северных регионах, по данным Росстата, в 2022 г. в неформальном секторе было занято 534,0 тыс. человек, или 14,0 % от общего числа занятых, остальные 86,0 % работали в формальном секторе (рис. 4).

Пик занятости в корпоративном секторе приходился в северных регионах на 2010 г. с условием, что мы анализируем период за 2008–2021 гг., соответственно, самая низкая занятость в сфере предпринимательской деятельности приходилась на 2010 г., после чего корпоративная занятость начинает падать в северных регионах, наблюдается сужение корпоративного сектора (рис. 4).

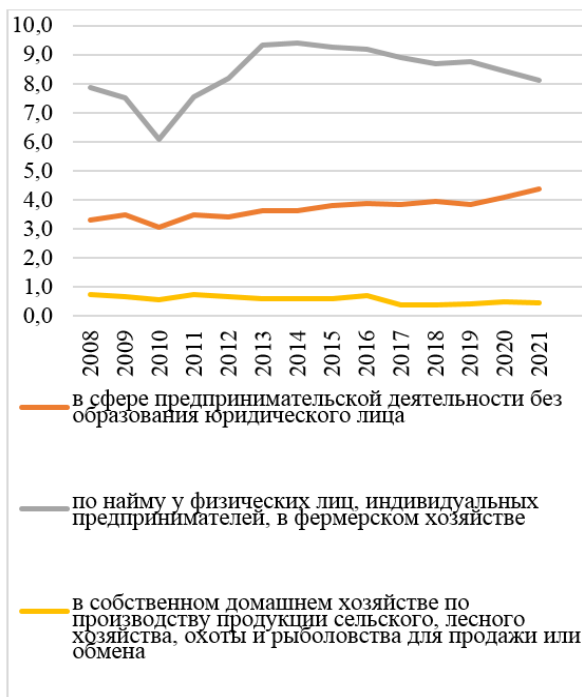
Тем не менее, несмотря на снижение, корпоративный сектор по-прежнему обеспечивает

основную занятость в северных регионах страны (в пределах 87,0 %). Занятость из формального сектора «переливалась» в неформальный сектор. Так, до 2014 г. наблюдался рост численности работников, нанятых физическими лицами, индивидуальными предпринимателями, а также фермерскими хозяйствами, после 2014 г. численность занятых начинает падать, но растет доля предпринимателей, число нанятых индивидуальными предпринимателями и фермерскими хозяйствами. Такая ситуация способствует сдерживанию безработицы, не исключая того, что предпринимательство делает жизнь в северных регионах более комфортной. Таким образом, за последние 12 лет в северных регионах преобладающей формой неформальной занятости начинают выступать самозанятость и индивидуальное предпринимательство (динамика положительная), а ведь в 1990-е гг. из таких самозанятых (те самые челноки) и «индивидуалов» выросли успешные предприниматели страны.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Динамика занятого населения северных регионов России в возрасте 15–72 лет на предприятиях, в организации со статусом юридического лица, % от общей численности занятых, 2008–2022 гг. (формальный сектор)

Динамика занятого населения северных регионов России в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, % от общей численности занятых, 2008–2021 гг. (неформальный сектор)

Рис. 4. Динамика занятого населения северных регионов России в возрасте 15–72 лет по месту основной работы, % от общей численности занятых, 2008–2022 гг. Источник: разработано автором по данным Росстата

Заключение

Таким образом, исследование подтвердило неоднородность занятости в неформальном секторе на уровне северных регионов России. Анализ занятости в неформальном секторе рассматриваемых регионов показал, что неформальность распространена в большей степени в северных регионах, расположенных в европейской части (это Архангельская область — здесь наибольшее значение показателя занятости в неформальном секторе — 18,7 %, республики Карелия (15,6 %) и Коми (12,6 %)): показатель выше в два раза — 14,0 против 5,7 %. Важно отметить, что, несмотря на значительный миграционный отток населения из северных регионов европейской части, наблюдается рост не только числа занятых, но и доли в общей численности занятого в экономике населения. Это обусловлено таким феноменом, как «вывоз старости», когда население, достигшее пенсионного возраста, переезжает в более благоприятные регионы.

Трансформационные процессы не обошли северные регионы России. Они привели к росту конкуренции на рынке труда, а чтобы успешно адаптироваться к новым условиям, население

начало активно получать образование, что в результате обусловило рост лиц с высшим профессиональным образованием в северных регионах, поскольку именно высшее образование дает более «качественный» уровень социализации.

Учитывая полученные результаты, можем сделать вывод, что тенденции неформальности на рынке труда в северных регионах в имеющихся институциональных условиях будут нарастать, и это связано прежде всего с высокими издержками создания рабочих мест в формальном секторе, поэтому рабочие места в неформальном секторе создаются активнее.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки конкретных направлений и мер по регулированию регионального рынка труда в целях повышения его сбалансированности. Перспективы исследования связаны с изучением отраслевых особенностей и качественных характеристик занятости в неформальном секторе, что позволит конкретизировать масштабы использования трудовых ресурсов и разработать методические рекомендации.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ**Список источников**

1. Williams C., Windebank J. *Informal Employment in Advanced Economies*. Routledge. London, 1998. 236 p.
2. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 60 с.
3. Chen M., Carre F. *Economy Revisited*. Routledge. London, 2020. 326 p.
4. Нуреев Р. М., Ахмадеев Д. Р. Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // *Terra Economicus*. 2015. Т. 1, № 13. С. 14–29.
5. Elgin, C., Birinci, S. Growth and informality: A comprehensive panel data analysis // *Journal of Applied Economics*. 2016. No. 19. P. 271–292. [https://doi.org/10.1016/S1514-0326\(16\)30011-3](https://doi.org/10.1016/S1514-0326(16)30011-3).
6. Buehn, A., Schneider, F. Shadow economies around the world: novel insights, accepted knowledge, and new estimates // *International Tax and Public Finance*. 2012. No. 19. P. 139–171. <https://doi.org/10.1007/s10797-011-9187-7>.
7. Pilyasov, A. N. Arctic Entrepreneurship Development Factors // *Geography, Environment, Sustainability*. 2020. No. 13 (1). P. 46–56. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-91>.
8. Chen M., Vanek J., Lund F., Heintz J., Jhabvala R., Bonner C. *Progress of the world's women 2005: Women, work and poverty*. UNIFEM. New York, 2005. 112 p.
9. Schaefer, K. Capacity utilization, income distribution and the urban informal sector: an open economy model. PERI Working Paper Series // *Political Economy Research Institute, University of Massachusetts at Amherst*. 2002, No. 35. P. 51–52. <https://doi.org/10.7275/1274481>.
10. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.
11. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // *Пространственная экономика*. 2019. № 15 (1). С. 7–17. <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.007-017>.
12. Дьяченко В. Н., Лазарева В. В., Панова Е. А. Развитие неформальной занятости в регионе: факторы и проблемы (на материалах Амурской области) // *Экономика труда*. 2021. № 8 (2). С. 233–248. <https://doi.org/10.18334/et.8.2.111617>.
13. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М.: Изд-дом Высшей школы экономики, 2014. 535 с.
14. Дашкова Е. С., Дорохова Н. В., Квасова А. А. Эмпирическое исследование масштабов и особенностей неформальной занятости в экономике Воронежской области // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2022. № 3. С. 59–68. <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9956>.
15. Терентьева М. А. Роль малого предпринимательства в обеспечении занятости на Российском севере // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. №13 (4). С. 108–125. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70>.
16. Мкртчян Н. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // *Мир России: Социология, этнология*. 2003. № 12 (2). С. 151–164.
17. Зудина А. А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // *Экономическая социология*. 2013. Т. 14, № 3. С. 27–63.
18. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // *Журнал НЭА*. 2015. № 2 (26). С. 226–230.
19. Белов Е. А. Влияние уровня образования на степень неформальной занятости отдельных категорий лиц // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 1. С. 198–205.
20. Куницына Н. Н., Джиоев А. В. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // *Экономика региона*. 2023. № 19 (2). С. 437–450. [https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-2-11\(2023\)](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-2-11(2023)).
21. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // *Экономическая социология*. 2012. № 13 (2). С. 99–111.
22. Симутина Н. Л., Левентов Н. Н., Пузикова О. П. Влияние экономических факторов на уровень занятости в неформальном секторе: региональный аспект // *Пространственная экономика*. 2018. № 1. С. 83–100. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.083-100>.

References

1. Williams C., Windebank J. *Informal Employment in Advanced Economies*. Routledge, London, 1998, 236 p.
2. Gimpel'son V. E., Zudina A. A. "Neformaly" v rossiiskoi ekonomike: skol'ko ikh i kto oni? ["Informal players" in the Russian economy: How many of them are there and who are they?]. Moscow, HSE Publishing House, 2011, 60 p. (In Russ.).
3. Chen M., Carre F. *Economy Revisited*. Routledge, London, 2020, p. 326.
4. Nureev R. M., Akhmadeev D. R. Klassifikatsiya neformal'noi zanyatosti i metody ee otsenki [Classification of informal employment and methods for its assessment]. *Terra Economicus*, 2015, no. 13 (1), pp. 14–29. (In Russ.).
5. Elgin C., Birinci S. Growth and informality: A comprehensive panel data analysis. *Journal of Applied Economics*, 2016, vol. 19, pp. 271–292. [https://doi.org/10.1016/S1514-0326\(16\)30011-3](https://doi.org/10.1016/S1514-0326(16)30011-3).
6. Buehn A., Schneider F. Shadow economies around the world: novel insights, accepted knowledge, and new estimates. *International Tax and Public Finance*, 2012, vol. 19, pp. 139–171. <https://doi.org/10.1007/s10797-011-9187-7>.
7. Pilyasov A. N. Arctic Entrepreneurship Development Factors. *Geography, Environment, Sustainability*, 2020, vol. 13 (1), pp. 46–56. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-91>.
8. Chen M., Vanek J., Lund F., Heintz J., Jhabvala R., Bonner C. *Progress of the world's women 2005: Women, work and poverty*. UNIFEM, New York, 2005, p. 112.
9. Schaefer K. Capacity utilization, income distribution and the urban informal sector: an open economy model. PERI Working Paper Series. Political Economy Research Institute, University of Massachusetts at Amherst, 2002, no. 35, pp. 51–52. <https://doi.org/10.7275/1274481>.
10. Barsukova S. Yu. *Neformal'naya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Informal economy: economic and sociological analysis]. Moscow, HSE Publishing House, 2004, 448 p. (In Russ.).
11. Minakir P. A. Dal'nevostochnye institutsional'nye novatsii: imitatsiya novogo etapa [Far Eastern institutional innovations: Imitation of a new stage]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, no. 15 (1), pp. 7–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.007-017>.
12. D'yachenko V. N., Lazareva V. V., Panova E. A. Razvitiye neformal'noi zanyatosti v regione: faktory i problemy (na materialakh Amurskoi oblasti) [Development of informal employment in the region: factors and problems (based on the materials of the Amur region)]. *Ekonomika truda* [Labor Economics], 2021, no. 8 (2), pp. 146–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/et.8.2.111617>.
13. Gimpel'son V. E., Kapelyushnikov R. I. *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiiskom rynke truda* [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market]. Moscow, HSE Publishing House, 2014, 535 p. (In Russ.).
14. Dashkova E. S., Dorokhova N. V., Kvasova A. A. Empiricheskoe issledovanie masshtabov i osobennostei neformal'noi zanyatosti v ekonomike Voronezhskoi oblasti [An empirical study of the scale and characteristics of informal employment in the economy of the Voronezh Region]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2022, no. 3, pp. 59–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9956>.
15. Terent'eva M. A. Rol' malogo predprinimatel'stva v obespechenii zanyatosti na Rossiiskom severe [The role of small business in providing employment in the Russian North]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2020, no. 13 (4), pp. 108–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70>.
16. Mkrtychyan N. Iz Rossii v Rossiyu: otkuda i kuda edut vnutrennie migranty [From Russia to Russia: Where from and to do internal migrants go?]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [World of Russia: Sociology, Ethnology], 2003, no. 12 (2), pp. 151–164. (In Russ.).
17. Zudina A. A. Neformal'naya zanyatost' i sub'ektivnyi sotsial'nyi status: primer Rossii [Informal employment and subjective social status: The example of Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2013, no. 14 (3), pp. 27–63. (In Russ.).
18. Zubarevich N. V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya posle krizisa: ot bol'shikh proektov k institutsional'noi modernizatsii [Spatial development strategy after the crisis: From large projects to institutional modernization]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2015, no. 2 (26), pp. 226–230. (In Russ.).
19. Belov E. A. Vliyaniye urovnya obrazovaniya na stepen' neformal'noi zanyatosti otdel'nykh kategorii lits [The influence of the level of education on the degree of informal employment of certain categories of individuals]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2015, no. 1, pp. 198–205. (In Russ.).

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ СЕВЕРА И АРКТИКИ

20. Kunitsyna N. N., Dzhioev A. V. Zavisimost' neformal'noi zanyatosti ot urovnya dokhodov naseleniya rossiiskikh regionov: uroki pandemii [Dependence of informal employment on the level of income of the population of Russian regions: Lessons from the pandemic]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2023, no. 19 (2), pp. 437–450. (In Russ.). [https://doi: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-2-11).
21. Barsukova S., Radaev V. Neformal'naya ekonomika v Rossii: kratkii obzor [Informal economy in Russia: A brief overview]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2012, no. 13 (2), pp. 4–12. (In Russ.).
22. Simutina N. L., Leventov N. N., Puzikova O. P. Vliyanie ekonomicheskikh faktorov na uroven' zanyatosti v neformal'nom sektore: regional'nyi aspekt [Influence of economic factors on the level of employment in the informal sector: A regional aspect]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2018, no. 1, pp. 83–100. (In Russ.). [https://doi: 10.14530/se.2018.1.083-100](https://doi.org/10.14530/se.2018.1.083-100).

Об авторе:

М. А. Терентьева — канд. экон. наук, старший научный сотрудник.

About the author:

M. A. Terentyeva — PhD (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2023 года.

Статья принята к публикации 31 октября 2023 года.

The article was submitted on September 4, 2023.

Accepted for publication on October 31, 2023.